

**Тян Валентин
Васильевич**

канд. ист. наук,
ЧУ ООВО «Институт
экономики и культуры»,
г. Москва, Российская
Федерация

e-mail: tian39@mail.ru

Неотрадиционализм как фактор неоконсервативной модернизации: специфика эволюции власти и управления

Аннотация

В статье рассмотрена проблема неотрадиционализма, в том числе российского, на современной эмпирической базе. Автор исследования считает, что неотрадиционализм, как фактор неоконсервативной модернизации, двойствен и иррационален. Поскольку для развития государства важна преемственность политических традиций, то продолжение добрых традиций – этическая основа власти. Новый традиционализм – обновление традиционных старых схем и методов управления. Неотрадиционалистская политическая практика последних лет выявила ряд негативных моментов в политической жизни российского общества: доминирование партии власти, вертикализация власти, адаптация власти при консолидации общества. Обоснована констатация модальности неотрадиционализма в трансформации власти как системообразующего института, предопределившего неоконсервативную модернизацию. Автор исследования убежден, что инерционная модель политического развития показана к посттрадиционному переходному обществу, поскольку обусловлена преимущественно поколенческой сменой элит. В посттрадиционном обществе в условиях кризиса власть, борясь с политической турбулентностью, ради достижения политической стабильности в обществе, применяет не только механизмы политико-правовой регуляции, но и неотрадиционалистские инструменты регулирования. Поэтому возникает необходимость рассмотрения проблемы неотрадиционализма не только в теоретическом аспекте, но и в практическом плане. Политический неотрадиционализм – расширение сферы неформальных отношений. Неотрадиционализм предопределил специфику эволюции власти и управления в контексте страновой идентификации. Неотрадиционализм в системе управления современным информационным обществом двойствен. Демократичность персонализированной модели управления относительна. Современное информационное общество подготовлено к переходу от моносубъектной модели управления к полисубъектной модели. Неотрадиционализм в онтологическом смысле не противоположен старому изначальному традиционализму, что подтверждает практика. Неотрадиционализм в условиях негативной стабилизации проходит серьезные испытания на этичность.

Ключевые слова:

бюрократический, власть, модернизация, неотрадиционализм, неоконсервативный, патернализм, российский, специфика, эволюция.

Цитирование: Тян В.В. Неотрадиционализм как фактор неоконсервативной модернизации: специфика эволюции власти и управления // *Управление*. 2019. № 1. С. 128–136.

Tyan Valentin

Candidate of Historical Sciences,
Institute of Economics
and Culture, Moscow, Russia

e-mail: tian39@mail.ru

Neo-traditionalism as a factor of neoconservative modernization: specificity of the evolution of power and control

Abstract

The article deals with the problem of neotraditionalism (including Russian) on the modern empirical basis. The author of the study considers, that neotraditionalism as a factor of neoconservative modernization is dual and irrational. Since the continuity of political traditions is important for the development of the state, the continuation of good traditions is the ethical basis of power. The new traditionalism is the renewal of the traditional old schemes and methods of management. Neotraditionalist political practice in recent years has revealed a number of negative aspects in the political life of Russian society: the dominance of the party in power, the verticalization of power, the adaptation of power in the consolidation of society. The statement of modalities of neotraditionalism in the transformation of power as the system-forming Institute, predetermined the neo-conservative modernization, has been substantiated. The author of the study is convinced, that the inertial model of political development has been shown to the post-traditional transitional society, because it has been stipulated to the generational change of elites. In posttraditional society in the conditions of crisis the power, fighting against political turbulence, for the sake of achievement of political stability in society, applies not only mechanisms of political and legal regulation, but also neotraditionalist instruments of regulation. Therefore, there is a need to consider the problem of neotraditionalism not only in theoretical aspect, but also in practical terms. Political neotraditionalism is the extension of the sphere of informal relations. Neotraditionalism predetermined the specifics of the evolution of power and management in the context of country identification. Neotraditionalism in the management system of the modern information society is dual. Democratic of the personalized management models is relative. The modern information society has been prepared for the transition from a monosubject management model to a polysubject model. Neotraditionalism in the ontological sense is not the opposite of the old original traditionalism, which is confirmed by practice. Neotraditionalism in terms of negative stabilization passes a serious test on ethics.

Keywords:

bureaucratic, power, modernization, neotraditionalism, neoconservative, paternalism, Russian, specificity, evolution.

For citation: Tyan V.V. Neo-traditionalism as a factor of neoconservative modernization: specificity of the evolution of power and control (2019) *Upravlenie*, 7 (1), pp. 128–136. doi: 10.26425/2309-3633-2019-1-128-136

© Тян В.В., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная. (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

The Author(s), 2019. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В Западной Европе освобождались преимущественно от отживших традиций в эпоху Возрождения, поскольку, как отмечал Р. Генон: «все традиции ..., напротив, единодушно утверждают Необходимую и постоянную корреляцию между двумя Порядками» [1, с. 11]. После распада всего, что шло от «темных веков», как утверждает Р. Генон, «необходимо не простое восстановление, а всеобщее обновление», ибо возрождение отживших традиций нерационально [1, с. 173]. Но в политической жизни общества отголоски от старых традиций воспринимаются как связь времен.

Представление о том, что традиционализм не только вносил коррективы в реформы, но является фактором сдерживания реформ, было заурядным. М. М. Федорова воспринимает «традиционализм как антимодернизм». При этом М. М. Федорова делает следующее уточнение: «Однако, по нашему глубокому убеждению, экспликативная ценность антимодернистского традиционализма состояла в том, что он не был одним лишь стремлением к консервации уходящего образа социального и политического бытия, страхом перед движением в любую сторону, порождающим бесплодную инерцию в действиях и мыслях. С одной стороны, он по-своему, в иной форме, нежели это делал модернистский проект...» [9, с. 144]. Такой подход к традиционализму способствует плюрализации аспектов и методов исследования проблемы. Поскольку для развития государства важна преемственность политических традиций, то продолжение добрых традиций — этическая основа власти. Новый традиционализм — обновление традиционных старых схем и методов управления. Неотрадиционалистская практика последних лет выявила ряд негативных моментов в политической жизни российского общества: доминирование партии власти, вертикализация власти, расширение сферы неформальных отношений. Традиционализм (англ. *traditionalism*) достаточно исследован. Но неотрадиционализм требует его изучения на эмпирической базе. В современном государстве существуют политические традиции, нуждающиеся в обновлении, особенно с появлением новых политических акторов. Для развития общества необходима преемственность традиций. Это означает отказ от отживших и продолжение живых традиций.

Российский неотрадиционализм: генезис

Российский политический неотрадиционализм, или новый традиционализм, — направление в социально-политической практике последнего десятилетия, генетически восходящее к российскому

традиционализму, а также к советскому антитрадиционализму, повлиявшему на характер советской модернизации и являвшимся фактором неоконсервативной модернизации. Следовательно, российский политический неотрадиционализм не заимствованный, а доморощенный, поэтому имеет страновую специфику.

Политический неотрадиционализм, как фактор неоконсервативной модернизации, двойствен и иррационален. Он предопределяет такие направления эволюции власти, как субстанциональная эволюция властных отношений, вертикальное корпорирование управленческих структур.

Политический неотрадиционализм присущ посттрадиционным обществам. В СССР стало традицией обращение к достижениям Российской империи, к 1913 г. традиционализм в самодержавной России был органичным. Более того, он был основой миропорядка. В. О. Ключевский уяснил сущность самодержавной власти, восходящей к «отцовскому праву»: «Власть, не только неограниченная, но и неопределенная, лишенная всякого юридического облика, — это основной факт нашей государственной истории, сложившейся ко времени Екатерины» [3]. Решительное несогласие общества с неограниченностью верховной власти, отраженной в Основном законе Российской империи (1906 г.), привело к ее десакрализации и созданию Думской монархии. В России политический традиционализм — очень важный элемент в сменяющихся режимах власти. Он считается одним из факторов, позволяющих политической власти поддерживать свой авторитет, бюрократию и сохранять механизм и опыт управления. В. О. Ключевский без пиетета относился к традиционной власти, оспаривая идею о незыблемости монархического строя у его апологетов (Л. А. Тихомиров и др.), он утверждал: «народ имеет право действовать в качестве верховной власти и продолжать являться законодательным органом, либо создать новую форму законодательной власти, либо, сохраняя старую форму, передать эту власть в новые руки, как сочтет лучшим» [3; 7].

Власть в свободном обществе не монополизируется одним лицом и не передается его преемнику, а от него другому преемнику, если «дедовские» традиции изжиты и укореняются демократические традиции. Но в переходном обществе для символического восстановления «отцовского права» приемов и способов достаточно. Обновление и гуманизация этих методов и есть сфера российского неотрадиционализма, восходящего к российскому традиционализму.

Российский традиционализм ассоциируется с недовведенными до логического завершения реформами, политической реакцией: основная причина – противодействие бюрократии. Реформы вели к ограничению власти. Реформаторские проекты не могли быть полностью осуществлены, поскольку традиционалистский подход к их осуществлению был малоэффективным.

В постреволюционной доктрине антитрадиционализма присутствуют персонализм и демократический централизм. На практике – это воля вождей партии после их ухода, передача власти «верным сынам партии», что называется, в традициях «отцовского права». Очевидно одно: гибридная политическая система антитрадиционалистская, квазидемократическая. Политическая власть ВКП (б) (КПСС) – квазидемократическая: демократический централизм и вертикаль власти.

Герметичная система управления при своей простоте устройства обусловила усиление бюрократической деятельности фактически в едином центре, который и был инициатором всех государственных решений. Существовавшая в СССР однопартийная система повлияла на политическое сознание россиян, в т. ч. находящихся в системе власти. Г. П. Федотов назвал советскую систему «сталинократией» [10, с. 83]. При этом единый центр формально закреплял федеративные отношения в Советском Союзе. И этот антитрадиционализм ассоциировался не только с расцветом, но и с кризисом мобилизационной управленческой системы. Попытки реструктуризации управленческой системы с сохранением принципа централизации (сельские и городские комитеты партии, совнархоз, минсельхоз, минсовхоз) лишь привели к дублированию и кризису управления. Такой антитрадиционализм в последующей политической практике на краткий период был отвергнут.

В 90-е гг. XX в. Российская Федерация (далее – РФ) вступила на путь демократического развития и российский неотредиционализм данного периода просматривается в позитивной конотации. В 1991 г. произошел раскол элиты. На фоне распада страны номенклатура адаптировалась и сохранила свои позиции, что отразилось на динамике политического развития. Президент РФ наделен огромными полномочиями. Но полностью реализовать эти полномочия может при высоком доверии общества. При налаженной обратной связи улучшается политический климат, политическая погода, что способствует установлению политической стабильности. Персонифицированная модель выступает как разновидность этатистской модели модернизации.

Новое направление эволюции власти в информационном обществе персонифицированная модель модернизации взамен неоконсервативной. Политическая дилемма реальна при персонифицированной модели модернизации в условиях реализации неотрадиционалистских элементов, нивелируется политическая конкуренция. Но политическая система будет функционировать в особом режиме.

Российский неотредиционализм как фактор неоконсервативной модернизации

С 2000-х гг. складывается иная ситуация. Коррекция модернизации была продиктована складывающейся неблагоприятной, с точки зрения власти, ситуацией. Для восстановления нормальной ситуации было решено восстановить вертикаль власти. Моральному старению управленческой системы способствовала также естественная (поколенческая) ротация кадров. Игнорирование многих демократических принципов в обществе не могло привести к созданию гармоничной системы управления. То, что столь быстрому моральному износу был подвержен российский неотредиционализм, который, поддерживаемый властной элитой, вступил в фазу морального старения (кризиса), свидетельствует о фрустрации общественного сознания, отягощенного стереотипами патернализма.

В начале 2000-х гг. стали очевидны «неудачи демократического транзита» по причине принципиального свойства («русская система») [5, с. 12]. По нашему мнению, преимущественно патерналистская система на практике проявила себя как антидемократическая. В современной «русской системе» артикулируется преемственность «самодержавной системы» (традиционной) в «советской системе» и «постсоветской системе» (неотредиционно демократической). Это пересиливает неотредиционализм. Происходит легитимация моносубъектной власти, обусловившей утверждение неоконсервативной модернизации.

Следует отметить, что просвещенный неотредиционализм – фактор активизации внешней и внутренней политики, а в условиях информационной и технологической революций – адаптации модели неоконсервативной модернизации на практике. Неотредиционализм способствует гибридации политической системы. Конституционно-плюралистическая политическая система активизируется властной вертикалью. Она позволяет власти дистанцироваться от политического процесса. Институт президента находится над процессом. А. В. Рябов свидетельствует о «рождении прошлого в настоящем», описывает «феодалную архаику»

властных отношений в России, которую выводит из условного характера собственности, «официальных или скрытых привилегий государственной бюрократии», отражения неготовности транзитного общества к дальнейшим переменам» [6, с. 4–15].

Неотрадиционная (зонтичная) модель управления упрощает решение проблемы, допускает издержки. Проблема реального разделения властей остается. Сведение нерешенных проблем общественного развития в единый центр в таком случае имеет символическое значение. Многофакторность воздействия на решение проблемы требует вариативности в выборе модели регуляции. Серьезные проблемы должны решаться соответствующими ресурсами. Отметим, эти управленческие решения носят гибридный характер. Специфика модернизации заключается в оживлении модернизированного традиционализма, т. е. неотрадиционализма. Неотрадиционализм не способствует образованию отдельных форм современной модернизации с российской спецификой. Неотрадиционализм – просвещенный консерватизм: в смягченном варианте реанимируются элементы старой системы. Закрытая структура в переходном обществе долго не переходит в новую фазу – фазу открытости, но ценностная переориентация политической элиты может стать фактором бифуркации власти и обновления системы.

Новое направление эволюции российской власти можно охарактеризовать как утверждение политической реальности действенным неотрадиционализмом. Он проявил себя в последние годы как неотрадиционалистская модель политической модернизации, которая реальна в региональном измерении.

Крупный бизнес (олигархия), среднее и мелкое предпринимательство пока не могут стать базой для политических сил. Политической конкуренции власть препятствует во имя политической стабильности. В условиях кризиса властная элита консолидирована, что исключает возврат к классическому традиционализму. Неотрадиционализм показан как фактор создания персонифицированных моделей модернизации.

Неотрадиционализм предопределяет персонифицированную модель модернизации по отношению к региональной модернизации как консервативная модернизация. Российский неотрадиционализм ведет к персонифицированной модели модернизации, являющейся разновидностью консервативной модернизации. Не только историческая матрица, но и код политической культуры располагают к политическому центризму, что определяет

специфику российской модернизации. Переход от традиций к неотрадиционализму (социокультурному) С. А. Мадюкова и Ю. В. Попков осмысливают как сложный процесс [4]. Переход к постиндустриализму предопределил утверждение неотрадиционализма в переходных обществах. Привязка модернизации с рейтингом власти логична, если учесть прагматичность цели власти: как можно дольше удерживать позиции. И связанные с этим действия власти затрудняют налаживание диалога с многими социальными группами. Критерий – консолидированное решение проблемы.

В условиях замедленной модернизации открываются возможности плавного изменения политической системы. Политическая власть добывается легитимности большими ресурсами, что приводит к гибридности эволюции властных отношений.

Неотрадиционализм в начале XXI в. принял постсоветский и новодемократический окрас. Появление на политическом пространстве неуправляемых акторов, неформальное влияние олигархов на политическую жизнь общества тревожит многих, особенно мелких предпринимателей. Железный закон олигархии в современных условиях действует не так неотвратно, как во времена его автора Р. Михельса. Гражданское общество, способное самоорганизоваться, заставляет власть пойти на дискурс-диалог. Информированность общества снижает уровень инерционности в деятельности политических институтов.

В наше время трудно утверждать, что, например, институты судебной власти практически защищены от принципов неокорпоратизма и неотрадиционализма. Как в советском обществе, современная власть сосредоточена в одной референтной группе. С ней сблизилась крупная бизнесмены. Зарубежные санкции, наложенные на олигархов, лишь заставляют их просить у власти защиты, что ведет к усилению контроля над бизнесом в целом. В условиях информационной революции стабильность политической власти, как и гарантии ее сохранения в будущем, обусловлены единственной всепроникающей культурной характеристикой – уровнем доверия, присущим данному обществу. Поэтому политическая власть должна быть в первую очередь заинтересована в позитивных структурных изменениях, адекватных современным вызовам.

Новое направление эволюции власти (без резких изменений курса) – ответы на политические вызовы. Контролировать информационные потоки правовыми и техническими мерами – новые функции власти. Информационную революцию в РФ используют как фактор в установлении политической стабильности.

Российский федерализм имеет черты традиционной самодержавной власти. Законодательная активность госдумовцев (различные запретительные законы, пакет законов Яровой и т. п.), занятие руководящих должностей людьми из партии власти ведут к созданию политической системы качественно не высшего уровня. Эти факторы способствуют формированию персонафицированной модели власти в ситуации политической турбулентности. Этическая модель политической власти основывается на доверительном отношении сторон. Факторы для утверждения такой модели: лояльность общества к власти; институты власти и общества; права человека; макроэкономика; возросшее политическое сознание граждан; взаимодействие власти и гражданского общества; неоконсервативная реформаторская парадигма; геополитический аспект. Зафиксировано воспроизводство власти под контролем самой власти. Новые направления эволюции власти предопределены спецификой и особенностями российской модернизации. Российская власть эволюционирует в контексте страновой идентификации. Страна с тысячелетней историей не может быть политическим флюгером в мифе аполитическом. Исконные политические традиции в том или ином виде сохраняются и развиваются. Есть изменения, они незаметны, но воздействуют на общественное сознание и потому кажутся реминисцентными, даже в гибридных политических матрицах адресная социальная защита, человеческий фактор, работа на опережение. Рыночные отношения сложились, но в общественном сознании остались стереотипы.

Высокая адаптивность российской власти зиждется на строгости законов. Неотрадиционалистский (моносубъектность власти, протекционизм) наротив, стал амбивалентным катализатором в страновой идентификации. Между властью и гражданским обществом существует, как пишет А. А. Кара-Мурза, разграничение: «В принципе я против жесткого разграничения государства и гражданского общества. Но сейчас, похоже, этого трудно избежать. Дело в том, что между экономическими, политическими и гражданскими игроками обозначилась новая линия размежевания» [2]. Далее он пишет: «Между полюсами, притягивающими тех, кто хочет продолжения и завершения деконструкции, и тех, кто ратует за ретрансляцию тотальности, появилась некая серая зона, в которой сосредоточились игроки, получившие некоторые дивиденды от прошедшей деконструкции и теперь желающие монополизировать свое положение, не допуская конкурентов. В бизнесе такие игроки были названы «олигархами». Но сегодня существуют и политики, выступающие против появления

на политической сцене новых акторов и стремящиеся такое появление заблокировать» [2]. Выявлены новые моменты политического процесса, которые могут стать узловыми. По нашему мнению, «серая зона» расширяется при негативной стабилизации. Российский неотрадиционализм, нормализовавшийся в сфере власти, привел к нормализации иерархической политической системы, что снимает степень позитивности в цивилизационном измерении.

В условиях воссоздания серой, неконкурентной среды наблюдается традиционное упрощение системы управления. Ретрансляция закодированных отношений в дочерние (закрытые) структуры снижает обновленческий потенциал системы. Доминирование этих структур ведет к маргинализации других структур и к негативной стабилизации системы.

От культа силы к культуре диалога – современная тенденция политического развития. Надо признать партнера, а это не входит в задачи власти. Открытость власти проявляется в части принятия прений, закрытость власти как элитарной группы – не противоречие, а обычно элитарное проявление в контексте динамики власти, ее настрой на диалог, повышающего уровень доверия. Об этом говорит Ф. Фукуяма [11]. Доверие – ключ к диалогу. Но те, у кого ресурсы (провластная группа), по многим обстоятельствам не хотят идти на диалог. И если обратиться к практике, то можно констатировать, что обратная связь, надежная коммуникация повышают эффективность власти и системы управления.

Итак, рассмотрение с концептивно-парадигмальных подходов истоков кризиса российского неокорпоратизма и неотрадиционализма приводит к следующим выводам:

- несмотря на институциональное обновление, эти политические концепции предопределяют инерционность современной российской модернизации;
- неизбежна фрустрация плюралистической политической системы;
- новый транзит власти детерминирован в неоконсервативную модернизацию;
- кризис неокорпоратизма и неотрадиционализма является предвестием нового этапа неоконсервативной модернизации.

Замещение властных позиций новым поколением бюрократии (в конкурентной борьбе) является фактором, дающим новый импульс эволюции власти в современном цивилизационном дискурсе. Несистемной оппозиции необходимо добиться открытости политической системы слаженной организацией и расширением своего электората. Открытость власти ведет к эффективности в деятельности ее институтов. Критерий – развитие общества, создание

условий для развития. На политико-правовой аспект развития общества влияет технологический аспект. В этой связи образование, наука, новые технологии становятся приоритетными для власти.

Информация (структура информационного массива) влияет на сферу экономики и политики, поэтому усиливается наращивание сегмента позитивной, научной, технической, технологической информации в условиях неоконсервативной модернизации. При этом технологические проблемы возникают на разных этапах модернизации, что предопределило различные модели модернизации. Маргинализация демократического тренда в политическом процессе с начала XXI в. закономерна. Причина – неотрадиционалистский тренд практики. Ограничение возможностей для «горизонтальных» коммуникаций приводит к воссозданию политического дизайна предыдущей системы, наносящему ущерб делу формирования современной партийной системы. Эволюция власти сохраняет направленность в междемократическое политическое пространство. Во власти в связи с приватизацией и залоговыми аукционами происходят позиционные сдвиги. Но в информационном обществе сложилась иная ситуация. Волнообразность российской модернизации требует не корректировки этого процесса, а его наращивания в парадигме глобализации. Эволюция политической власти как индикатор социально-политических процессов в информационном пространстве имеет возможность корректировки. Это не откат демократической волны, а новое направление в междемократическом политическом пространстве.

Трансформация власти в условиях политической модернизации, ее кристаллизация в демократическом политическом пространстве предопределяют гибридные модели эволюции власти. Гибридизация эволюции власти и системы управления в информационном обществе становится реальностью. Можно выделить альтернативные, адаптивные, гибридные модели эволюции власти. Как упомянуто выше, в начале 90-х гг. XX в. Россия вступила на путь демократического развития. Управляет этим процессом по существу одна референтная группа. Следует отметить, незаменимость власти обусловлена множеством факторов, а в нынешних реалиях в силу ряда обстоятельств усиливает зависимость общества от нее, избавляет ее от отвлечения средств по снижению уровня политических рисков. Такая власть склонна к принятию спонтанных решений.

Возможности для сбора личных данных возрастают. Снижается степень защищенности от наветов, неверных истолкованной мысли наблюдаемого

объекта. Бюрократический неотрадиционализм не согласуется с этическими нормами власти. Неотрадиционализм может стать своего рода актором негативной консолидации общества. Но в контексте этой политической парадигмы эволюция власти в новой страновой идентификации означает лишь индексацию ее отдаления от матрицы традиционного атомизированного общества. Это атомизированное общество в отсутствии демократических традиций во властеотношениях испытывает когнитивный диссонанс. Возникает проблема доверия общества, его индифферентность иллюзорна. Поскольку полосу разграничения между властью и гражданским обществом не сужается, то взаимодействие носит бюрократический характер, т. е. формальный, а не реальный. Характер принятия решений обусловлен типом власти и политической системы или их деформацией. Политические партии подконтрольны власти. Импульсы, идущие от власти – традиционалистские и воспринимаются только частью общества. Однако власти в кризисной ситуации предпочтительно не наблюдение, а контролирование информационных потоков, что не способствует сближению ее с обществом. Какая-то часть общества всегда недовольна действиями власти, и ей приходится искать наиболее эффективные методы гашения этого всплеска недовольства. Вышеназванная политическая парадигма не подконтрольна традиционным системам контроля без высокотехнологичного мониторинга процесса. Технологическая революция, оказывающая влияние на эволюцию власти, разнообразит ресурсы управления. Информационная революция стала базой для цифровой эволюции власти. Контроль над информационным потоком меняет характер принятия решений. Многие исследователи (Г. А. Черноморов и др.) изучают методы принятия решений. По механизму принятию властных решений различают политические системы, например, иерархические, гибридные и т. д. [8].

В исследованиях зафиксированы составляющие одного и того же явления: наряду с «регулярными» конституционными институтами, органами власти и практиками в современной России описываются некие альтернативные системы отношений. Отметим, неотрадиционализм обусловил и особенности российской модернизации. Институциональная эволюция власти в условиях политической модернизации от институционализации ранней демократии до градации современной демократии – нелинейный процесс, вызывающий общественный резонанс. Эволюция власти и системы управления в парадигме корпоратизма и неокорпоратизма, в контексте неотрадиционализма – многофакторный

процесс, предопределяющий особенности и специфику властных преобразований: вертикализация власти, адаптация власти при консолидации общества. Неотрадиционализм предопределил особенности российской модернизации. Эволюция власти в условиях политической модернизации есть движение от традиционализма к неотрадиционализму в рамках корпоратизма и неокорпоратизма. Настораживает то, что столь значительные судебные ошибки имеют место в нынешнем российском судопроизводстве. Причина не в квалификации судей. Суды ошибаются, что называется, не в пользу граждан. Во власти находятся две трети работников советского аппарата. Политическая система располагает ресурсом развития. Наблюдается подготовка передачи власти условно от отцов детям. Поэтому политическая конкуренция неочевидна. Но смена поколений в управленческом сообществе приводит к смене концепций внутренней политики. Поскольку демократическая легитимация персонифицированной власти является определяющей, то стратегия устойчивого развития прогнозируема. Направление эволюции власти: от сильного центра к процветающим регионам; сильные регионы — сильный центр.

Власти важно поддержать свою реформаторскую парадигму ценой имиджевых потерь. Наблюдается некоторое новое понимание, почему значительная часть общества не доверяет правительству. Властная элита показывает свою преданность высшему руководству и свою ответственность перед обществом, о чем свидетельствуют их усилия по созданию альтернативного Интернета, обеспечивающего информационный суверенитет, что законсервирует специфику российской модернизации. Выход из современного цивилизационного дискурса обеспечит частичную закрытость российского общества. Неокорпоративный дух сдувает дух конкуренции, который проник в политическую реальность России на раннем этапе демократизации российского общества. Нынешний неокорпоратизм является фактором бюрократизации и герметизации управленческой системы.

Консолидация общества построена на отрицании архаизмов в условиях строго соблюдаемой политической стабильности и решения проблем многофакторно минимальными ресурсами не происходит. Психотип закомплексованного человека распространен в социально незащищенной части общества. Непрозрачность деятельности ведомств вызывает недоверие власти. При несменяемости власти от этого недостатка не избавиться. Значительная часть общества мирится с этим.

Модули российской модернизации:

- 1) апогей традиционной власти — многоукладная экономика, консервативная модернизация;
- 2) приоритеты советской власти — плановая экономика, однопартийная политическая система;
- 3) становление демократия в новой России (90-е гг. XX в.) — президентская республика, многопартийная политическая система, рыночная экономика;
- 4) российский неокорпоратизм и неотрадиционализм (2000-е гг.) — неоконсервативная модернизация, партия власти, провластная ориентация крупного бизнеса, отток капитала — свидетельствуют о зависимости характера модернизационного процесса от типа власти и системы управления. Откат от демократических позиций в современной практике классифицируется как исключение, но инверсия отдельных элементов неотрадиционализма допустима. Проблема транзита власти, возникающая в дискурсе неотрадиционализма при президентской форме правления, индексируется в парадигме демократической легитимации. Эволюция власти — не поступательное развитие, но развитие, что создает фон для социального оптимизма. Эволюция власти в условиях политической модернизации как сложного инверсивного процесса демократического транзита носит институциональный характер, что предопределяет особенности такой эволюции власти от моно субъектной к плюралистической и полисубъектной системе, обусловленной постренесансом, постиндустриализмом (технологическая и информационная революция) и страновой идентификацией.

Поскольку политический неотрадиционализм — новый, а не старый, матричный традиционализм, и адаптирован к новым реалиям, то эволюция власти и системы управления в парадигме корпоратизма и неокорпоратизма в контексте страновой идентификации носит субстанциональный характер. Структурирование информационного потока, селекция, анализ фейковой информации и т. д. свидетельствуют об адаптации властной вертикали к новым условиям. В этой ситуации не надо «бодаться» с управленческим дубом, надо лишь обнажить его корни.

Заключение

Итак, российский традиционализм и неотрадиционализм обусловили субстанциональную эволюцию власти в условиях политической модернизации в парадигме неокорпоратизма и неоконсерватизма. Неотрадиционализм предопределил специфику эволюции власти и управления.

Неокорпоратизм и неотрадиционализм в современном дискурсе утрачивают свою конкурентоспо-

способность. Они тяготеют к закрытым или полузакрытым системам. Бюрократический неокорпоратизм недемократический. В сочетании с неотрадиционализмом он создает моносубъектную систему власти. Но она функционирует при достаточном количестве лояльности исполнителей. Принцип преемственности власти поражает госаппарат. Все еще отдельные его представители представляют собой госслужащих «старой закалки».

Новое направление эволюции власти: расширение взаимодействия федерального центра и регионов. Это возможно при нормализованном властотношении. Ф. Фукуяма подчеркивает: «Общественный капитал – это возможности, возникающие из наличия доверия в обществе или его частях» [13, с. 7]. Смысловое наполнение этих своего рода политических доктрин позволило бы повысить устойчивость политической системы в условиях негативной стабилизации. Но оно было ограничено. Большинство людей оберегает систему, модель управления, власть, которые обеспечивают им безопасность и защиту их прав и свобод. Социально значимые, этатистские модели модерни-

зации просматриваются в российской действительности [12]. Российское общество не испытывает пиетета к демократическим ценностям, но и индифферентна к политической архаике. Отсюда предрасположенность к гибридности политической власти. Российский неотрадиционализм проходит испытание на этичность. Рациональное правление, с учетом иррациональности общества, вера в реальность, развитие от результатов практики можно оценивать объективно с помощью общенаучных методов, применяемых в политической науке, математического моделирования, концептивно-парадигмального подхода. Общий вывод: российский неотрадиционализм, как и неокорпоратизм, предопределил особенности и специфику модернизации.

Библиография

1. Генон, Р. Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. Избранные произведения / Р. Генон. М.: Изд-во «Беловодье», 2004. 304 с.
2. Кара-Мурза, А. А. Российское гражданское общество сегодня / А. А. Кара-Мурза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/388/180/1217/4.pdf> (дата обращения: 25.01.2019).
3. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Лекции / В. О. Ключевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/76 (дата обращения: 25.01.2019).
4. Мадюкова, С. А. Феномен социокультурного неотрадиционализма. Монография / С. А. Мадюкова, Ю. В. Попков. СПб.: Алетейя, 2011. 132 с.
5. Пивоваров, Ю. С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) / Ю. С. Пивоваров // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 12–32.
6. Рябов, А. В. Возрождение феодальной архаики в современной России: практика и идеи / А. В. Рябов // Рабочие материалы Московского центра Карнеги, 2008, № 4, 16 с.
7. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность. Монография / Л. А. Тихомиров. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
8. Черноморов, Г. А. Теория принятия решений. Монография / А. Г. Черноморов. М.: Юнити, 2008. 276 с.

References

1. Genon R. Traditsionnye formy i kosmicheskie tsikly. Krizis sovremennogo mira. Izbrannye proizvedeniya [Traditional forms and cosmic cycles. Crisis of the modern world. Selected works]. Moscow: Izd-vo «Belovod'e», 2004. 304 p.
2. Kara-Murza A. A. Rossiiskoe grazhdanskoe obshchestvo segodnya [Russian civil society today]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/388/180/1217/4.pdf> (accessed 25.01.2019).
3. Klyuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. Lektsii [The course of Russian history. Lectures]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/76 (accessed 25.01.2019).
4. Madyukova, S. A. Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma. Monografiya [Phenomenon of socio-cultural neotraditionalism. Monograph]. St.-Petersburg: Aleteiya, 2011. 132 p.
5. Pivovarov Yu. S. Russkaya Vlast' i publichnaya politika (Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita) [Russian Government and public policy (historian's Notes on the reasons for the failure of democratic transit)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2006, no. 1, pp. 12–32.
6. Ryabov A. V. Vozrozhdenie feodal'noi arkhaiki v sovremennoi Rossii: praktika i idei [Revival of feudal archaic in modern Russia: practice and ideas]. *Rabochie materialy Moskovskogo tsentra Karnegi* [Working materials of the Carnegie Moscow center], 2008, no. 4, 16 p.

9. Федорова, М. М. Традиционализм как антимодернизм / М. М. Федорова // Полис, 1996, № 2. С. 143–160.
10. Федотов, Г. П. Сталинокрафия / Судьба и грехи России. Избранные статьи / Г. П. Федотов. СПб.: «София». В 2-х т. Т. 2. 352 с.
11. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Монография. / Ф. Фукуяма. М.: Изд-во «АСТ», 2006. 730 с.
12. Этатистские модели модернизации. Коллективная монография. М.: ИФ РАН, 2017. 204 с.
13. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity / F. Fukuyama. N.Y., 1996. 730 p.
7. Tikhomirov L. A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. Monografiya [Monarchical statehood. Monograph]. M.: GUP "Oblizdat", TOO "Alir", 1998. 672 p.
8. Chernomorov G. A. Teoriya prinyatiya reshenii. Monografiya [The theory of decision-making. Monograph]. Moscow: Yuniti, 2008. 276 p.
9. Fedorova M. M. Traditsionalizm kak antimodernizm [Traditionalism as anti-modernism] *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1996, no. 2, pp. 143–160.
10. Fedotov G. P. Stalinokratiya [Stalingrade]. Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i: v 2 t. [Fate and sins of Russia. Selected articles]. St.-Petersburg: Sofiya, T. 2, 352 p.
11. Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. Monografiya [Trust: social virtues and the path to prosperity. Monograph]. Moscow: Izd-vo "AST", 2006. 730 p.
12. Etatistskie modeli modernizatsii. Kollektivnaya monografiya [Etatist models of modernization. Collective monograph]. M.: IF RAN, 2017, 204 p.
13. Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996, 730 p.